"Размилый ты мой закон, свет Иванушка!.."

(Плач по муже на дому)

«Размилый ты мой закон, свет Иванушка!
Ты зацем умер, зацем спрятался, —
Зацем спрятался во колодушку,
А не ходишь ты по теремку,
Не ласкаешь малых вьюношей — милых детушек?
Ох, зацем, закон мой, ты преставился?
Зацем горюшко во терем впустил?
Ведь распустится наш высок терем
Эвтим горюшком да великоим,
Обвалится весь, весь разрушится:
Поправлять да мне его будет некому,
Милы ж вьюноши все с сумой пойдут,
На свету белу раскидаются.
Что наделал, коренной ты мой!
Ты зацем умер, а меня не взял,
Штоб не мучаться мне на светушке?
Ох, горя мои, горя великии,
Уж с этих ли горев великоих
Не ходят у меня да резвы ноженьки,
Опустились да у горюши белы рученьки,
Свалилась да с плец буйна головушка.
Не придумаю я своим умом-разумом,
Как жить будет с малыми вьюношами,
Как держать мне наш высок терѐм,
Как работà̀ть горюше мать сыру-землю?

(Женщина обращается к собравшимся «на проводы» и причитает):

Ох, суседушки мои милые,
Каково у меня горе накатилося!
Невзнацай ты, горе, навалилося!
Вы подумайте, да как мне жить одной будят,
Как мне жить будят да со вьюношами,
Да со эвтими малыми детенышами?

Соберу я их, малых вьюношей,
Здесь у гробушка в одну грудушку,
Да поставлю их на коленочки
Перед вами, добры людушки, милы суседушки.
А сама да я, горюша, горюшица,
Распластусь на пол и целом забью
Я ко вам ли, ко суседушкам,
Со слезами да со горюцими,
Да с сердецною со спросьбицей.

(Женщина становится на колени и начинает кланяться присутствующим).

Не спокинте вы меня, добры людушки, горюшу-горькую,
Со вьюношами да с моими с детенышами…
Вы, суседушки, и ближние и дальные,
Вступитесь-ко вы все за место родна батюшка
Моим вьюношам, милым детушкам;
Приютите-тко вы их, накормите-тко,
Науците-тко уму-разуму, Божиям словам;
Штобы жили-тко они все по Божьему,
По Его уставам письменным.
Вы суседушки, люди добрые,
Рассудите вы, как жить буду горюшная:
Коренного у меня в доме нетути —
Накатилось горе горькое,
Невзнацай оно навалилося;
Пришла смертушка с косой острою, —
Она старицей забралася к нам.
Ох, злодеюшка, скора смертушка!
Шла по улице красной девицей,
По сеням вспохнула цорной галоцкой,
А в терѐм вошла старухою.
Как взошла с косой-косой церною —
Вдруг подрезала мой законушко.
Повалился он, Богу дух услал,
Не промолвил ни словецушка.
Потеряла я свою лапушку;
Не придумать мне умом-разумом,
Как теперечко жить горюшноей
Со вьюношами да с малыми детенышами.

Вы не киньтё меня люди-суседушки,
Горюшку горюшную со вьюнòшами,
Пособите мне во кручинушке,
Во несчастии — горе великоем!
Вы сходите-тко в село к батюшке,
Доложитесь попу духовному,
Штоб ударили да в большой колокол,
Затеплили бы да свеци яркия,
Понадели бы да ризы церныя,
Заслужили бы да обеднию,
Взголосили бы да службу упокойную — унывную,
Погребли бы тотка бы мого милого
По уставному да бы по церковному,
По святым книгам бы то да по письменным!

(В конце отпеванья).

Восков желтыих свеца да догорается,
Унывна песния да доконцается,
Вечна память возглашается,
Врата царски затворяются.
Спаси, Господь, да вас, люди добрые,
За спомин мого законушка!
Спасибò вам, попы-батюшки,
Што исправили да вы всю службушку,
Што отпеили мою законушку,
Что складно пели, не торòпились
Все писаньицо вы исполнили,
По святым книгам все спрочитывали,
Унывную песнию успокойную,
Возглашали по-уставному.
Вы раздайтесь, люди добрые,
Порастроньтесь-ко малехонько:
Дайте мне взглянуть на касатика —
На Иванушку мою законушку!
Не держите-тко вы за рученьки,
Не хватайте-тко за черной зипун!
Я горюшная, горюша вдòвица
Поглазеть иду да в блекло личушко,
Припасти да ко белыим грудям

Ненаглядного мого законушка.
Ты прости-тко меня, коренной закон,
Прости-тко горюшную да несчастную!
Как расстатьси мне с тобой, соколиком?
Взял бы ты меня с собой во горенку, —
Мне б с тобой лежать было радешенько,
Цеем на светушки горе мыкати.
Пень-колодушка, белодубовая,
Порасширься-тко да ты малехонько
Да впусти-тко ты меня вунывную;
Я жива лягу с моим соколиком,
Я пойду да с ним во сыру мать-землю:
Не в могилушку да жить мне на светушке!
Ох, горюшная я, горюша-горюшка,
Осталась я сиротинушкой,
Сиротинушкой со вьюнòшами —
Малыими, милыими детенышами!

(На могиле, когда уделывают холм).

То не ластушка, не касатушка
Над детенышем убивается —
Это я, горюша-горюшка,
Над законушком встосковалася!
Мать сыра-земля взяла мой законушко.
Уж ты, матушинька, сыра-земля,
Не дави-тко ты крепко гробовой доски,
Не губи мого ты законушку,
Пожалей мого ненаглядного!
Коренной ты мой, сердешный дружок!
Я тея бы костями б выкопала,
Да добрыи люди белы руценьки
С обоѝх сторон крепко держат.
Ох, ветры, ветра буйные,
Пронеситесь-тко вы с четырех сторон,
Пособите-тко холм-могилушку,
Раскатите-тко круглы камушки,
Распахните бел тонкой саван,
Распахните белы рученьки,
Подымите-тко мого соколика — Иванушку!

Не восставит ли коренной закон?
Не откроет ли оцей ясныях
На минуточку б, да на секундочку?
Знать не в силушку ветрам буйныям
Коренного приподнять ко мне.
Сам Михаѝло со андельми
Не снесет души во белы груди:
Не вернется коренной-то мой.
Ты, земля, моя матушинька!
Распохнись хошь ты во полуноци,
Дай вздохнуть моему соколику,
Поглядеть на свет хошь манехонько!
Ты пусти-тко его ко мне в теремок, —
Пусть-ка придет он ко вьюношам — малым детенышкам,
Успокоит нас, горькиих сиротинушек,
Приласкает милых вьюношей малых сиротинушков.

(На дому в конце обеда).

Ой, не йти ли-тко мне понаведатьси,
Поглядеть на четыре сторонушки:
Не идет ли где коренной-то мой?
Попытаю-тко я ждать-глядеть тея, моя ластушка,
С четырех сторон света белого,
Не промолвишь ли ты где словечушко,
Не явишися ль ты ко мне ясным соколом,
Прилетишь можа быть белым голубем?
Ты не явишься ль своим вьюношам,
Какой птицей, али зверюшком малехоньким?

(Женщина идет на двор, улицу или огород: спустя некоторое время входит снова в дом и причитает):

Ходила я по чистым полям, по темным лесам,
Пытала я кричать, гаметь мой законушко.
Села я под кустышко — не дождусь ли я Иванушки?
Не придет ли он хошь зверюшком,
Не слетит ли он ко мне воробеюшком,
Али гулькою — сизым голубошком?
Нетути нет мого законушки,
Коренной нейдет, сокол Иванушко, —

Лишь бела березынька гнется до земли.
Поглядела я на матушку, белу березыньку,
А она ли те гент, да все до земли,
Как мой милый да добрым людям кланялси.
Думу — вырву я березыньку:
Не дума ль это Иванушки?
Больно гнет она, да все до земли,
Как Иванушко да вам кланялси.
Посажу, думу, ее да я во горенке:
Я глядеть буду, вспоминать буду
Свово Иванушку, ясна соколика, мого милова.

(Женщина действительно приносит какой-либо сучек или прут и ставит его на божнице или где-либо около иконы, и сама снова выходит из избы и, возвратившись, причитает):

Пытала я ждать-глядеть мого сокола,
Как у быстрыя, да у реченьки, —
Не плывет нигде на черной лодочке,
Не плывет ли белой рыбицей?
Быстрò бежит река-матушка,
Нигде-тко нет мого законушка,
Ходилà я в зеленых лугах,
Я глядела на все четыре сторонушки:
Не видать ли где мого законушка,
Не загулился ль где, не замешкалси ль?
Нету-тко, нетути законушка,
А растет тветет здесь веселый твет, —
Ровно милый мой Иванушка.
Сорвала я тветок, принесла я вам.
Поглядите-тко, люди добрые,
Не похож ли он на законушку?
Разгадайте-то мне думу крепкую:
Не душа ль эвто Иванушка?
Я припрячу тветок аленький
Ко матице во высок терем;
На него глядеть буду — горюшница, —
Как на Ванюшу мого законушка,

(Женщина действительно приносит в избу цветок или сенинку (зимой), ставит их на божницу или втыкает к матице)

Ох, вы, люди, вы суседы хрещеные!
Не нашла я свого законушка;
Пособите-тко мне в житьенице,
Да мне вунывнуей со вьюнòшами!

(Женщина делает поклон обедавшим).

Вы воспойте-тко теперь да песнию —
Песнию вунывную да успокойную!»

(Зап. со слов Устиньи Ивановой, с. Ильинское, Суд. уез., д. Луканиха)

Соболев Алексей Николаевич. Причитанья над умершими Владимирской губернии - [Б. м.: б. и., 1912]